

ИЗ ПЕРВЫХ ОТКЛИКОВ НА РОМАН
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

(По страницам газеты «Голос»)

«Уже первая часть „Преступления и наказания“, появившаяся в январском и февральском номерах „Русского вестника“ за 1866 г., имела большой успех у читающей публики» (7, 345). Главная причина этого коренилась в характере нового сочинения писателя.¹ Poleмическая нацеленность романа остро ощущалась читателями и критикой. Вместе с тем сложность и противоречивость «Преступления и наказания» обуславливала разпоголосоу мнений в трактовке идейной основы книги о судьбе недоучившегося студента Раскольникова: амплитуда оценок тут была довольно большой — происходило острое столкновение взглядов и мировоззрений (см. об этом: 7, 345—356). Отнюдь не случайно газеты и журналы той поры сочли не только возможным, но и просто необходимым откликаться на новый роман Достоевского по мере его публикации в «Русском вестнике»; появившиеся главы «Преступления и наказания» сразу же становились неотъемлемым фактом литературной и общественной жизни.

Не осталась в стороне и газета «Голос», постоянным читателем которой был Достоевский и которая не раз писала о его произведениях. Этот либеральный печатный орган, издаваемый А. А. Краевским, отметил не только высокое художественное мастерство Достоевского и глубину психологического анализа в его созданиях. Внимание «Голоса» привлекли философско-публицистические идеи романиста.

Вот что писал анонимный автор в своем кратком разборе первых — январских — глав романа: «Мы пока не будем распространяться об этом сочинении, которое, по-видимому, должно разбиться на несколько месяцев; заметим только, что роман обещает быть одним из капитальных произведений автора „Мертвого Дома“. Страшно преступление, положенное в основу этой повести, рассказано с такою потрясающею истиною, с такими тонкими подробностями, что вы невольно переживаете перипетии этой драмы, со всеми ее психологическими дружинами, переходите по изгибам сердца с первого зарождения в нем преступной мысли до ее окончательного развития. Здесь этот анализ, который, по нашему мнению, вредил некоторым из прежних сочинений автора, является не только не лишним, не только не утомляет вас, но полнее, живее дает чувствовать силу драмы. Самая субъективность автора, от которой иногда страдали характеры его героев, здесь несколько не вредит, потому что сосредоточивается

¹ «...Начало его (романа «Преступление и наказание». — П. В.) таково, что мы не можем оставить его без некоторого замечания, — признавался критик «Современника» (Елисеев Г. З.) Журналистика. Январь, 1866. — Современник, 1866, № 2, отд. II, с. 272).

на одном лице и пропитается художественною ясностью типа. К сожалению, пределы газетной статьи не позволяют нам делать выписки из романа, которая могла бы подкрепить наш отзыв и дать читателям понятие о том впечатлении, какое производят эти страшные сцены. Правда, тут есть места, на которые можно указать, как на нечто целое — например, соп Раскольникова накануне задуманного им преступления; но этот эпизод, один из лучших в романе, занимает не менее пяти страниц, и мы не имеем возможности выписать его вполне, а брать из него отрывок или передавать в сокращенном рассказе, значит лишить его значения и силы, потому что тут нельзя убавить ни одной черты. Мы надеемся поговорить о романе г. Достоевского, когда он будет кончен».²

«Голос» обещал вернуться к книге Достоевского только по завершении ее публикации в «Русском вестнике». Но ему пришлось сделать это много раньше, в связи с противоположной оценкой первых глав романа на страницах «Современника» (в февральском номере, в обзоре Г. З. Елисеева «Журналистика. Январь 1866»), где утверждалось, что Достоевский в своем произведении несправедливо начал на передовое студенческое. Елисеев поставил под сомнение типичность образа Раскольникова.³ Оценка романа, данная критиком «Современника», носила открыто полемический характер; Г. З. Елисеев выступил против оценки и интерпретации писателем идеей передовой студенческой молодежи (подробнее об этом: 7, 346—347). Эта позиция, занятая «Современником», вызвала бурную реакцию со стороны «Голоса». Выступление Г. З. Елисеева послужило началом острого спора об идейном замысле романа Достоевского. Касаясь вопроса о полемике вокруг «Преступления и наказания», один из современных исследователей резонно заметил: «...противоречивость идейного содержания „Преступления и наказания“ должна была определенным образом сказаться в оценках романа русской журналистикой, очень активно откликнувшейся на его появление. В журналистике той поры возникла примерно такая же полемика вокруг этого романа, как вокруг романа „Отцы и дети“ И. С. Тургенева в 1862—1863 гг.»⁴

² Журналистика. «Русское Слово» и «Современник» за ноябрь и декабрь 1865, «Русский Вестник» за январь 1866 г. — Голос, 1866, 17 февр., № 48. — В комментарии к «Преступлению и наказанию» в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского (7, 346) этот первый отзыв процитирован лишь частично, поэтому мы сочли уместным привести его здесь полностью, ибо он заслуживает этого. Два других отзыва, о которых пойдет речь ниже, в научно-исследовательской литературе не упоминаются и остаются, судя по всему, невыявленными.

³ См.: Современник, 1866, № 2, отд. II, с. 272—277. — Подобные обвинения в адрес Достоевского были вскоре предъявлены и некоторыми другими изданиями: близкой к «Современнику» «Искрой» и органом демократического народничества журналом «Неседла».

⁴ Николаев П. А. Творчество Ф. М. Достоевского и современная ему русская журналистика. — Вестн. Моск. ун-та. Ист.-филол. сер., 1957, № 1, с. 86.

24 марта в «Голосе» был помещен критический разбор двух первых номеров «Современника» за 1866 г. Вполне естественно, что точка зрения Г. З. Елисеева, столь разителью расходящаяся с высказанной ранее точкой зрения «Голоса», была подвергнута здесь решительному отрицанию. По мнению газеты, статья, опубликованная на страницах журнала «Современник», грешит «явно предвзятою мыслью» и имеет своей целью любой ценой («во что бы ни стало») «уронить» Достоевского. Не скрывая раздражения и недоумения, автор обзора далее писал: «И, представьте, какие для этого придуманы средства! В романе студент, при обстоятельствах, пагубно действующих на его сердце и рассудок, делается злодеем и убивает старуху-ростовщицу. Что, спрашивается, это доказывает? Кажется, то, что преступления были и бывают во всяком звании, при всякой степени образованности, в кругу людей отсталых и передовых, в зрелом возрасте и в молодости. Но знаете ли, что нашел в романе критик „Современника“? Он открыл, будто г. Достоевский задумал свой роман вследствие озлобления „на движение последнего времени“, от недовольства молодым поколением и с целью „обвинить целую корпорацию молодых юношей в повальном покушении на убийство с грабежом“. Мы не шутим; критик уверяет в этом. Что же это такое? Посмеяться над таким отзывом нельзя, потому что он слишком бессовестен. И автор этих позорных строк, и редакция, допустившая их в журнале, не могли, конечно, не подумать о их значении. Из романа Достоевского, конечно, можно было вывести подобное нелепое обвинение с такою же справедливостью, как, если б кто, по рассказу доктора Меригольда о еврее, который задумал отравить и ограбить одного комиссионера (перевод святочного рассказа Ч. Диккенса «Рецепты доктора Меригольда» был помещен в том же номере «Современника». — П. В.), — задумал вывести заключение, что Диккенс имел здесь в виду обвинить все племя евреев в повальном покушении на грабеж и убийство. В нашей журналистике до таких цинических нелепостей не доходили еще...»⁵ Возмущение обозревателя было столь велико, что он позволил себе закончить свое выступление гневной тирадой по поводу революционно-демократической критики в целом: «Вообще, в критических отзывах „Современника“, видимо, все приносится в жертву каким-то личным симпатиям и антипатиям — для них пощадается и правда, и приличие. Уж не зрелый ли это возраст критики, которая, может быть, с Белинским отжила период несовершенности, а теперь возмужала, и задалась целями действительного дела жизни, под иером неумытых судей, подвизающихся в „Современнике“? А ведь эти господа, пожалуй, считают свое писание делом жизненным и почтенным!»⁶

⁵ А. М. «Современник» за январь и февраль 1866 г. — Голос, 1866, 24 марта, № 83.

⁶ Там же.

Спустя две с половиной недели «Голос» снова напомнил своим читателям о том, что он не согласен с критиком «Современника» в подходе к роману Достоевского «Преступление и наказание». На этот раз не было чрезмерной резкости тона. Однако газета по-прежнему недвусмысленно давала понять (в форме попутного замечания — «шпильки»), что она никак не может разделить мнение об идейно-эстетической ущербности нового произведения писателя, которую объясняют неудачным выбором объекта изображения, тенденциозным препарированием последнего и беспочвенностью предложенных художественных обобщений. В фельетоне «Вседневная жизнь», подписанном криптонимом «Х. Л.», обнаруживаем весьма показательную «вставку», сделанную вроде бы и нестати — в связи с разговором о событиях театральной жизни: «После „Самоуправцев“, в бенефис г-жи Владимировой, шли новые сцены г. Трофимова, из быта наших мелких чиновников, под заглавием „Первый чин“. <...> В комических явлениях будничной жизни у нас недостатка нет во всех классах общества... В литературном мире, в кружках учащейся молодежи (не во гнев будь сказано господам, приходящим в азарт против Ф. М. Достоевского за то, что он избрал студента героем своего нового романа), в публичке клубов и трактиров, в богатых гостиницах, где толкуют о великом значении крупных поземельных собственников, в кружках артистов, всюду, наконец, можно найти очень недурные сюжеты для сцен вроде сцен г. Трофимова...»⁷

Среди самых первых отзывов о двух начальных частях «Преступления и наказания» (в журнальной редакции это была одна часть) отзывы, опубликованные на страницах «Голоса» в феврале — апреле 1866 г., выделяются своей позитивной интонацией, последовательностью в отстаивании права писателя на изображение исключительных жизненных явлений и коллизий, подчеркиванием правдивости произведения, безусловным признанием искусства Достоевского — романиста, психолога, мастера композиции, безоговорочной констатацией художественного совершенства книги. Несмотря на явный недостаток в них аналитического начала, несмотря на их известную неполноту и однобокость, выступления газеты — независимо от субъективных намерений рецензентов либерального «Голоса» — способствовали постепенному формированию правильной оценки романа «Преступление и наказание», окрыляли его создателя, пробуждали еще больший интерес читателей к его творчеству.

В полемике, вспыхнувшей вокруг нового сочинения Достоевского, содержалось и нечто такое, что далеко выходило за рамки предмета спора. Вероятно, поэтому она имела и имеет весьма значительный историко-литературный резонанс. Речь шла не только о конкретной оценке «Преступления и наказания», но и об особенностях, возможностях реалистического метода, о таких вопросах, как принципы типизации, соотношение в искусстве

⁷ Х. Л. Вседневная жизнь. — Голос, 1866, 10 апр., № 98.

частного, единичного и общего, выбор героя, характер изображаемой действительности, идеал, позиция автора, объективное содержание произведения и замысел его создателя, пути психологизации прозы, специфические черты философского романа и т. д. Самоочевидна общезстетическая значимость давней проблемы, представляющей интерес и в наши дни.

Г. З. Елисеев, продолжая полемику с Достоевским, пачатую им во втором номере «Современника» за 1866 г., будет подразумевать указанную публикацию «Голоса» и выразить свое несогласие с нею по причине того, что она, мол, уведит читателя от главного в понимании романа «Преступление и наказание». «Даже чисто с художественной точки зрения сюжет пового романа г. Достоевского не может быть оправдан никакими целями, — настаивал критик. — Слыхало ли в летописях искусства, чтобы когда-нибудь какой-нибудь художник или поэт чистое, голое убийство, убийство an sich und für sich — выбрал темою для своего изображения?» Для Г. З. Елисеева «Преступление и наказание» — это «чистая нелепость» и «едва ли не единственный пример... свиреного баловства искусством».⁸

Выявление затерявшихся в периодике первых критических суждений о «Преступлении и наказании», развернутых и кратких, самостоятельных и попутных, позволит воссоздать более полную картину восприятия этой книги современниками писателя, обнаружить в романе какие-то пропусаемые ныне слои его богатого идейного содержания, наметить новые аспекты в изучении произведения и оживить, ввести в научный оборот то, что образует пассивный запас литературоведческого знания (отклики, напечатанные в газете «Голос», в данном отношении весьма показательны). Разумеется, все сказанное сейчас в равной мере приложимо и к другим сочинениям великого русского реалиста.

Т. И. ОРНАТСКАЯ

ОБ ОДНОЙ ГЛАВЕ ФЕВРАЛЬСКОГО ВЫПУСКА «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1881 Г.

Достоевский закончил работу над январским выпуском «Дневника писателя» за 1881 г. 25 января и в этот же день сам отвез в типографию «последний листок <...>, прося завтра же прислать корректуру».¹ Тогда же, в беседе с А. Н. Майковым, он уже говорил «об февральском „Дневнике“ что хочет писать»;² на следую-

⁸ [Елисеев Г. З.] Журналистика. Февраль, 1866. — Современник, 1866, № 3, отд. II, с. 39, 40.

¹ Гроссман Л. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935, с. 319.

² Записная тетрадь А. Г. Достоевской 1880—1881 гг. — ИРЛИ, ф. А. Г. Достоевской, № 30773, л. 86.

щий день, 26 января, он рассказывал своему молодому знакомому, студенту Духовной академии Ф. Н. Орнатскому, содержание задуманного выпуска («Февральский выпуск Философу, и о том, как они провалили классицизм»);³ а в день смерти, 28 января, он, как обычно, диктовал жене. «Диктовал „Дневник“. Вычеркну, что найдешь возможным», — записала А. Г. Достоевская на с. 93 тетради. И здесь же, на свободной странице, содержится расшифрованный ею отрывок для февральского выпуска «Дневника писателя». Возможно, что именно его и продиктовал писатель в день смерти. Вот этот текст:

«Корабль не круглый, но продолговатый, а четырехугольный, такой, чтоб ни за что плавать не мог. Дно должно быть непременно выпуктое. Машину устроить такую, чтоб отопление стоило не менее 100 тыс. в месяц. Чтоб на этот корабль пошло как можно более бронзы, малахиту. Пустить в море для доказательств Европе нашего миролюбия. Но чтоб возить этот корабль, устроить по берегам железную дорогу и чтоб 9 паровозов возили его, а на время войны причалить к берегу. Этот корабль предназначался для посольств и кокоток высшего полета.

Боялся, что не пропустят».

Как известно, к середине января у писателя вполне определился ряд тем, которые должны были составить февральский выпуск «Дневника».⁴ Одна из глав, как явствует из материалов его последней записной тетради, должна была носить гротескно-сатирический характер и иметь заглавие «Проект мечтателя, сумбуриста».⁵ Суть этого «проекта» состояла в создании пышного судна для развлечения (по типу императорской яхты «Ливадия»), способного ввести в заблуждение Европу. Последняя предчувствует «будущую, самостоятельную русскую» идею, которая хоть

³ Там же, с. 93. — Приведенная цитата позволяет раскрыть имя того посетителя, которого А. Г. Достоевская не назвала в своих позднейших «Воспоминаниях» («Часа в три пришел к нам один господин, очень добрый и который был симпатичен мужу, но обладавший недостатком — всегда странно спорить. Заговорили о статье в будущем „Дневнике“ <...> и между нами разгорелся горячий спор» — Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971, с. 372), возможно, по его просьбе (она поддерживала знакомство с ним и после смерти мужа — см. их переписку — ГВЛ). Непонятно, по какой причине Л. П. Гроссман, публиковавший в названной выше книге «Жизнь и труды...» отрывки из этой записной тетради, «не заметил» приведенной нами записи, а использовал вместо нее цитату «Воспоминаний», сопроводив ее без всяких оснований категорическим примечанием: «Рассказ этот не может считаться достоверным и является официальной версией предсмертного заболевания Достоевского» (с. 319). Не справедливее ли было бы, полагаясь на такой документ, как стенографически точная тетрадь, не предназначавшаяся для чужих глаз, отметить, что А. Г. Достоевская, не желая никого выставить нечаянным свидетелем смерти мужа, не назвала ни Ф. Н. Орнатского, ни В. М. Ивалову («Вечером Верочка и Павел Александрович», — читаем на с. 92 тетради за тот же вторник, 26 января).

⁴ См. об этом в комментариях В. А. Туниманова к записной тетради Достоевского 1880—1881 гг. (27, 322—353).

⁵ Там же, с. 79.